

Олег Бореко

ОТ КРАЯ БЕСКОНЕЧНОСТИ ДО ЗЕМЛИ

Вселенная "ПИМ-Стар"

Книга 3

Олег Бореко

**Вселенная "Пим-Стар": Книга 3.
От края бесконечности до Земли**

«Автор»

2026

Бореко О.

Вселенная "Пим-Стар": Книга 3. От края бесконечности до Земли
/ О. Бореко — «Автор», 2026

ОНИ НАШЛИ ТИКА. НО ЭТО ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ — ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО! Представьте: ваш друг потерялся где-то в бесконечном космосе. А вы нашли его сигнал на самой обычной Земле! Зум, Тук и Шепот мчатся сквозь звёзды, чтобы спасти непоседу Тика. Но на Пим-Стар происходит нечто ужасное: пропадают не просто подарки — исчезает сама радость! Древнее чудовище Тоска проснулось и тянет свои щупальца к их миру. Но самая большая тайна ждёт Тика на Земле. В кафе его нового друга, среди пончиков и уюта, висит старая вязаная игрушка. Она похожа на того самого Скуклу! Тик понимает: он не случайно оказался здесь. Он — ключ к разгадке вселенской катастрофы! Сможет ли он вернуть пропавшую улыбку, пока Тоска не поглотила всю Галактику? В этой книге вас ждут: Прыжки сквозь зеркальные порталы Секретное кафе на Земле Самая неожиданная дружба во Вселенной И ответ на главный вопрос: что сильнее — древняя печаль или сила настоящей дружбы? Откройте книгу — и отправляйтесь в приключение, где каждый может стать героем!

© Бореко О., 2026

© Автор, 2026

Олег Бореко

Вселенная "Пим-Стар": Книга 3.

От края бесконечности до Земли

КНИГА ТРЕТЬЯ : ОТ КРАЯ БЕСКОНЕЧНОСТИ ДО ЗЕМЛИ

ПРОЛОГ: ТОНКАЯ НИТЬ

Когда теряется что-то очень важное, весь мир начинает звенеть иной тишиной.

На планете Пим-Стар, где воздух обычно дрожит от смеха и гула творчества, теперь висела тишина незавершённости. Трое друзей — изобретательница Зум, силач Тук и чуткая Шепот — стояли перед грудой чертежей и холодных расчётов. Они раскрыли величайшую тайну Галактики, но проиграли в самом главном — потеряли четвёртого.

Их тишина была тяжёлой, как свинец, и острой, как лезвие. В ней не было отчаяния — была ярость бессилия, перемалываемая в стальную решимость. Они *знали*, что он жив. Они *видели* его сигнал, вплетённый в странное розовое облако тоски. И теперь их умы, их сердца, их всё было направлено на одну задачу: *как до него добраться, не разбудив ту самую древнюю тоску снова?* Их тишина была тишиной перед штурмом неприступной крепости.

За бесчисленными световыми годами, в сердце маленькой голубой планеты, царила тишина обрётённого смысла. Непоседа Тик, нарушив главный закон, стал видимым и приобрёл нечто большее — друга. Вместе с дядей Мишей они превращали старую пекарню в портал для земных чудес, и их тишина была тёплой, наполненной стуком молотка, шуршанием обоев и довольным урчанием после вкусного пончика. Это была тишина строительства, созидания, забвения о космическом одиночестве. Почти забвения. Иногда, в перерывах между работой, Тик поднимал взгляд к небу, и в его глазах на миг мелькала тень — вопрос без ответа. *Слышите ли вы меня?*

А на самом Краю всего сущего, в месте, где заканчиваются звёзды, царила изначальная Тишина. Тишина существа по имени Скукла. Но сейчас и она изменилась. Её вековой, убаюкивающий покой был нарушен. Не грохотом, а... эхом.

Эхом чужих шагов в его владениях, вкусом чужого, дерзкого любопытства. Это эхо раскатилось по его бездонному сознанию, как камень по льду, и разбудило не злость, а смутную, глубинную тревогу. Что-то было не так. Что-то... *пропало*. И эта тревога, медленная и тягучая, как смола, начала сочиться из него, грозя просочиться во все уголки мироздания.

Три тишины. Три мира, связанные одной тонкой, невидимой, но неразрывной нитью от края бесконечности — нитью потери, поиска и пробуждения.

Эта нить уже натянута. Осталось лишь понять, станет ли она препятствием для всех... или тем самым проводником, что наконец-то выведет каждого из тьмы к своему свету.

ГЛАВА 1: АРХЕОЛОГИ ТОСКИ

На самом Краю всего сущего, где звёзды не зажигаются, а тихо дремлют в колыбели из тёмного бархата, произошло землетрясение. Но не из камня и огня. Из чувств.

Часть 1: Землетрясение в мире снов

Великая Тень, известная как Скукла, пошевелилась. Её щупальца — не руки и не ноги, а длинные, полупрозрачные потоки, словно сплетённые из дыма забытых дней и шёпота одиноких ночей, — медленно заколыхались. Каждое движение было похоже на взмах крыла спящей птицы размером с галактику.

И это движение, это крошечное беспокойство, отозвалось эхом по всей Вселенной, как камень, брошенный в пруд из тишины:

й Где-то в Поясе астероидов два камня-неразлучника, миллионы лет танцевавших вальс вокруг друг друга, вдруг обиделись и разошлись по разным орбитам.

ï На планете Зелёного Зева вулкан, готовый устроить фейерверк из лавы, передумал, зевнул и заснул, выпустив лишь облако разочарованного пара.

ï А в комнате мальчика Артёма на Земле сон о космической станции вдруг померк. Мальчик нахмурился во сне, ворочаясь. Ему показалось, будто он держал в руках что-то невероятно тёплое и важное, а оно растворилось, как сахар в чае.

Скукла не знал об этих маленьких катаклизмах. Его сознание, огромное и медленное, как таяние ледников, было занято исследованием. Оно пульсировало вопросом, который был не словом, а ощущением — как внезапный холодок под одеялом или чувство, что ты забыл выключить свет в другой комнате.

«Что... коснулось моего сна?»

Этот мысленный шёпот, невидимый и неслышимый для других, пополз по щупальцам. Там, где он проходил, висели главные сокровища Суклы — Искры Счастья. Тысячи, миллионы крошечных огоньков, принесённых с украденных игрушек. Они медленно передавали своё сияние тьме, как батарейки, питающие огромную, грустную машину. Это убаюкивало Суклу. Но сейчас ритм был нарушен.

Часть 2: След незваных гостей и артефакты пустоты

Самое чуткое щупальце дрогнуло, как усы кошки. На самом его кончике, рядом с угасающей розовой искоркой, висел след. Не царапина, а что-то вроде энергетического отпечатка, похожего на завиток пара на холодном стекле.

Скукла мысленно прикоснулся к нему.

В его сознании, как на экране старого проектора, мелькнули образы:

ï Вспышка неестественно белого света.

ï Вибрация быстрая, нервная, непохожая на плавные течения Края.

ï Запах (да, у мыслей бывают запахи!) — сладкой пыльцы, жжёного зефира и... озорного любопытства.

«Пимки, — узнало сознание Суклы. — Маленькие. Шумные. Зачем?»

Раздражение, тёплое и вязкое, как смола, поползло от центра. Оно не было злым. Оно было похоже на досаду человека, которого разбудили среди ночи глупым вопросом.

Скукла потянулся щупальцем к ближайшей "коллекции" — рою потерянных игрушек, медленно круживших в пустоте. Его мысль как внутренний голос скользнула по ним:

«Кукла... глаза из стекла... но в них нет отражения звёзд. Где девочка, которая её причёсывала?»

«Машинка... колёса замерли. Она помнит скорость? Помнит ветер в "лицо"?»

«Конструктор... детали не складываются. Потеряна инструкция? Или... просто нет рук, которые бы его собрали?»

Скукла хотел только одного — спать и видеть сны о том, что он забыл. Ему казалось, что если собрать все самые яркие, самые желанные игрушки со всей Вселенной, то их сияние, как ключ, отопрёт дверь в ту самую, самую важную память. Но это не работало. Игрушки лишь напоминали ему, чего у них нет.

А этот след был как настойчивый стук в эту дверь. Нельзя было игнорировать.

«Найти. Узнать. Успокоить. Чтобы спать.»

Часть 3: Рождение Дымки Поиска и её инструктаж

Скукла не мог двинуться с места. Он *был* Краем. Но он мог создать своего следопыта.

От его главной массы, будто от клубка гигантских ниток, отделился сгусток. Он был меньше, быстрее и любопытнее. Это была Дымка Поиска. Она выглядела как живое, перебивающееся тёмно-синее и фиолетовое облако. Внутри неё, словно рыбки в аквариуме, плавали крошечные светящиеся капли — обрывки чужих эмоций, которые Скукла собрал за века: капля детского разочарования от сломанной машинки, пузырёк взрослой усталости, искорка страха потерять друга.

Дымка не говорила словами. Она общалась резонансом — направленными волнами ощущений. Она зависла перед своим создателем, и между ними произошёл безмолвный разговор:

Дымка излучила вибрацию вопросительного трепета: *«Я есть. Что искать?»*

Скукла ответил тяжёлой, гудящей волной беспокойства, в которую вплел образ следа — тот самый завиток пара со вкусом любопытства.

Дымка уловила образ и ответила быстрой, готовой к действию пульсацией: *«Поняла. Иду за запахом. Найду источник шума.»*

Но Скукла задержал её. От его сознания отделилась ещё одна, крошечная мысль-капля и влилась в Дымку. Это была карта-воспоминание. «Ищи не только след. Ищи... дыры. Места, где ткань реальности тоньше. Где они могли пролезть.» Дымка затрепетала от новой задачи — это было уже не просто преследование, это было исследование аномалий.

Часть 4: Экспедиция по слоям Края

Дымка Поиска ринулась вперёд. Она не летела, а растворялась и проявлялась чуть дальше, как призрак, перескакивающий через пространство.

Её путь стал захватывающим расследованием для читателя. Она двигалась через "слои" Края:

- Вот Слой Спящей Пыли: Мириады крошечных, холодных камушков, каждый из которых был забытой мечтой или несказанным "извини". Они тихо звенели, как стекляшки, когда Дымка пролетала сквозь них.

- А сейчас Слой Залёженных Ветров: Здесь пространство было похоже на замёрзшие реки воздуха, в которых навеки застыли обрывки одиноких песен и недосказанных сказок. Дымке приходилось осторожно их огибать.

- Мммм вижу Пояс Обломков Времени: Самое странное место. Здесь плавали осколки — не камня, а мгновений. Один осколок сиял каплей первого дождя на неизвестной планете, другой хранил тихий вздох ребёнка, засыпающего без сказки.

Дымка, следуя инструкции Скуклы, искала среди них "дыры" — свежие сколы. И нашла! Небольшую, с неровными краями. От неё ещё исходил лёгкий тёплый ветерок, пахнувший... пряником и сосной. Совсем не так, как пахнет Край! Это и был след!

Она плыла мимо спящих туманностей, облетала чёрные дыры, которые тихо посапывали, и наконец вынырнула в месте, где пространство стало похоже на гигантскую, переливающуюся мыльную пену.

Это была Планета Пузырей.

Миллиарды прозрачных сфер мирно парили в невесомости, тихо похрапывая. След, который вела Дымка, вёл прямо сюда и... терялся в этом радужном хаосе.

Дымка замерла. Её облако сжалось в настороженный, пульсирующий шар. Задача усложнилась.

Она попробовала послать Скукле отчёт-резонанс: *«След ведёт в мир снов. В пену из радуг. Потерялся.»* Ответ пришёл не сразу, тяжёлый и сонный: *«Копай глубже. В сны. Они всё помнят... даже если сами не знают.»*

Часть 5: Допрос во сне и тревожная находка

Нужно было найти иголку в стоге сена, причём иголка могла быть одним из этих сонных, беззаботных пузырей. Она прислушалась. Не ушами, а всей своей сущностью. Она искала эхо того самого «запаха» — вибрацию пимков, всплеск портала.

И тогда она почувствовала. Слабый, едва уловимый отклик. Не от пузыря. От сна одного пузыря. От того, кто спал не просто сном травы, а сложным, многослойным сном, полным образов и... воспоминаний.

Дымка плавно поплыла к одному из пузырей среднего размера, который во сне подрагивал, принимая форму то звездолёта, то спиральной галактики. Внутри этого пузыря, в самой его сердцевине, спало существо по имени Лова.

Следопыт Края приготовился к допросу. Она мягко, как туман, обволокла спящий пузырь.

Внутри сна Ловы она увидела не просто картинку. Она увидела отпечаток события. Как фотографию на воде. Мелькал образ: странный серебристый "блинчик" (так Дымка интерпретировала корабль), нервно мигающий огоньками. Чувствовалась вибрация испуга и решимости. И был... звук. Не настоящий, а эхо звука, который оставил след в памяти пузыря: «ТАЙНА!»

Дымка дрогнула. Это было СЛОВО. На Краю не было слов. Это была мощная, чуждая вибрация. Она тут же послала новый резонанс Скукле, вложив в него этот образ и эхо слова.

Ответного резонанса не последовало. Была лишь долгая, тяжёлая пауза. А потом... из глубины Края донёсся такой глубокий, такой печальный мысленный ВЗДОХ, что Дымка чуть не развеялась от грусти. Скукла не просто беспокоился. Он... затосковал. Это слово, этот образ — они будили в нём что-то старое, глубже, чем сон.

Лова во сне почувствовал холодное прикосновение и забеспокоился. Его пузырьковая конструкция во сне рассыпалась. Центральный пузырь дёрнулся, и из него, как мысленный выдох, полетел ответный импульс — не слова, а ощущение: «Извините. Спал. Пузыри иногда пролетают на Край во сне. Ничего не знаю. Не сердитесь».

Это была стандартная реакция пузырей. Они всегда извинялись. Они ни за что не несли ответственность. Они были идеальными свидетелями, которые никогда ничего не помнили.

Дымка, удовлетворившись, отцепилась от Ловы. Она собрала данные: да, здесь был портал. Да, похоже на пимков. Но пузыри — ни при чём. Они просто спали.

Собрав всю информацию, Дымка начала таять, готовясь вернуться к Скукле с докладом.

А Лова... Лова проснулся. Не полностью, а так, как просыпаются, услышав странный звук ночью. Его центральный пузырь (который никогда не лопался) дрогнул. Сонный мозг пузыря зафиксировал: «Приходила Дымка. Спрашивала про пимков. Про портал. Надо... надо предупредить...»

Но предупреждать было некого. И Лова, покружившись на месте, снова погрузился в сон. Тревожная мысль спряталась глубоко внутри, в самом ядре его странного, многослойного сознания.

ГЛАВА 2: ПРЫЖОК В СЕРДЦЕ ТРЕВОГИ

Часть 1: Облако, которое жужжит на неверной ноте

Воздух на Пим-Стар был не по себе. Он, обычно пропитанный ароматами карамельной росы и взбитых облаков, стал тяжёлым и вязким. Казалось, кто-то подмешал в него щепотку металлической пыли и каплю горького миндаля — вкус был странный, тревожный.

А над Гипер-Гигантской Мастерской Изобретений висело Оно. То самое розовое облако. Оно не плыло, а пульсировало, как гигантское медузообразное сердце. Короткие, резкие, розово-синие молнии били не вниз, а внутрь него самого, будто пытались разжечь какой-то тайный огонь или выжечь занозу.

Зум стояла на «Балконе-Наблюдателе», вцепившись лапками в перила из сахарного тростника. Её огромные очки были сдвинуты на лоб, а большие глаза сузились, сканируя аномалию с холодной яростью учёного, чей мир дал сбой.

— Это не погода, — бормотала она, её радужный хохолок был приглажен, но от него всё равно сыпались мелкие, серые искорки тревоги, похожие на пепел. — Это пси-эмиссия. Мощный, направленный импульс тоски... Он резонирует с нашим общим полем радости, как камертон, ударивший по хрустальному бокалу. Получается какофония чувств. Когнитивный диссонанс на планетарном уровне!

— Говори проще, Зум! — рядом топнул лапкой Тук. Его мощные плечи были напряжены до предела, а хвост, похожий на взьерошенный ёршик для бутылок, подрагивал, выстреливая короткие алые искры. — Это из-за Скуклы? Он добрался сюда?

— Не только, — отозвалась Шепот. Она стояла чуть поодаль, обняв себя за плечи. Её уши-локаторы, похожие на лепестки гигантского цветка, были развёрнуты в сторону облака и мелко дрожали. — Я чувствую... его грусть. Да. Но в ней... есть нота. Очень слабая, чужая. Сигнал. Там, в самой гуще, что-то... пытается говорить. Кричать шёпотом.

Зум резко повернулась к ней, и её очки съехали на нос.

— Сигнал? Ты уверена?

Шепот лишь кивнула, сжав губы. Для её чуткой природы это было похоже на попытку расслышать один чистый голос в рёве обезумевшего оркестра.

— Тогда мне туда, — решительно сказала Зум и, не мешкая, побежала к своему личному челноку, пришвартованному неподалёку, — к верткому «Жуку-исследователю».

— Зум, стой! Это опасно! — крикнул Тук, делая шаг вперёд.

— Опаснее сидеть и слушать, как наша планета сходит с ума от чужой печали! — отрезала она, уже забираясь в открытый люк. — Если там сигнал, может, это... может, это Тик! Он может попытаться связаться!

Имя, прозвучавшее как заклинание, заставило Тука и Шепот переглянуться. В их глазах вспыхнула одна и та же дикая, болезненная надежда. «Жук» с тихим, деловитым жужжанием оторвался от площадки и, резко набрав высоту, устремился напрямик в пульсирующее розовое сердце облака.

Часть 2: Полёт сквозь густой шёпот загадок

Внутри облака мир перевернулся. Физически было тихо — настолько, что Зум слышала, как стучит её собственное сердце. Гул двигателя поглощался густой, ватной субстанцией, окрашенной в розовые тона с синими линиями.

Через стенки кабины, через стекло иллюминаторов на неё давила сама суть отчаяния. В голову лезли навязчивые мысли: «Ты никогда не починишь «Блинчик». Твои изобретения никому не нужны. Тук и Шепот терпят тебя только из жалости. Ты потеряла Тика, и это твоя вина». Это были не её мысли. Это был ядовитый туман, вытягивающий наружу самое тёмное и неуверенное.

— Нет, — сквозь зубы прошипела Зум, сжимая штурвал так, что костяшки побелели. — Это эмиссия. Эмоциональная радиопомеха. Не поддаваться. Найти источник.

Приборы «Жука» зашкаливали, стрелки танцевали безумный танец. Экраны пестрели предупреждениями. Зум отключила всё лишнее, оставив лишь базовые навигационные сенсоры и сканер органики. Она вела челнок почти вслепую, полагаясь на внутреннее чутьё и на тот самый слабый «шёпот», о котором говорила Шепот.

И вдруг, в самом эпицентре, в точке, откуда били самые яркие и частые молнии, она увидела это. Небольшой, одинокий объект, мерцающий неровным, сине-розовым светом. Он был размером с крупную горошину и висел в неподвижности, будто якорь, вокруг которого бушевала вся эта розовая буря.

Горошина связи. Одна из тех, что они брали с собой в разведку.

Но эта была... искажена. Её свет был не чистым сигнальным белым или зелёным, а именно этим сине-розовым, и пульсация совпадала с ударами молний.

«Откуда?.. — мысленно пронесла Зум. — Такие горошины — наши. Значит, это с «Блинчика»? Но как она сюда попала... и почему в таком состоянии?»

Осторожно, используя манипулятор-захват, похожий на изящную металлическую клешню, она подцепила горошину и поместила её в сканирующую камеру «Жука». Энергия облака на мгновение усилилась, молнии забились чаще, словно пытаясь помешать, но было поздно.

Часть 3: Лик в молниях и холод строки

Данные пошли на главный экран тёмно-синими потоками цифр и символов. Зум впиалась в них глазами. И тут её дыхание перехватило.

Горошина была не просто повреждена. Она была *перегружена*. В неё, как в крошечную бутылочку, втиснули целый океан информации: не только координаты отправки, но и мощный эмоциональный шлейф — вихрь страха, решимости, дикого любопытства и... щемящей тоски по дому. И был образ. Слабый, зашумлённый, распадающийся на пиксели.

На маленьком голографическом экране возникло лицо. Нет, не лицо — силуэт в мерцании. Но глаза... Большие, знакомые, полные немого вопроса и тревоги. Тик. Это был он.

Его губы двигались, он что-то кричал, но звуковая дорожка была искажена до полной неузнаваемости, превратившись в скрежет и шипение. Зато текстовые данные, выведенные рядом, были кристально чёткими и холодными, как лёд:

КООРДИНАТЫ: ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ, СИСТЕМА СОЛ-3, РУКАВ ОРИОНА, ГАЛАКТИКА МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

СТАТУС ПЕРЕДАТЧИКА: АКТИВЕН. СТАТУС НОСИТЕЛЯ: ВИДИМ.

Зум застыла. Мир сузился до этих строк. «ВИДИМ». Короткое, слово, словно жалоба. Оно означало, что Тик нарушил Главный и Нерушимый Закон для всех Отважных, работающих в Солнечной системе. Закон, который защищал и пимков, и людей. Он стал видимым для человеческих глаз.

Радость от находки, яркая и жгучая, мгновенно превратилась в ком ледяного ужаса где-то под диафрагмой.

— Нет, — прошептала она в абсолютной тишине кабины. — Нет-нет-нет. Ты чего надеялся, непоседа...

Она почти машинально выключила сканер. Дрожащими лапками (дрожали от адреналина, а не от страха, сказала бы она себе) она извлекла горошину из камеры.

Теперь она была просто холодным, тёмно-розовым шариком, без единой искры. Зум спрятала её в потайной карман нагрудника, развернула «Жука» и, нажав на экстренное ускорение, рванула прочь из облака. Облако, лишившись своего энергетического ядра, начало беспомощно рассеиваться, как сахарная вата под дождём.

Часть 4: Совет под лавандовым куполом

В Главном Куполе Совета царила напряжённая тишина, которую с трудом удерживало «Облако Примирения» — огромное лавандовое образование под самым сводом. Оно испускало мягкие, успокаивающие волны, пахнущие тёплым молоком с мёдом и старой книгой сказок.

Без него, как позже объяснил Мудроглаз, малейшая искра могла разжечь всеобщую перепалку — а такого на Пим-Стар не случалось со времён Великого Пончикового Мятежа.

Именно в эту хрупкую тишину вошла Зум. Её лапки были чуть ватными, а на ладони лежала та самая горошина. Весь цветной, искрящийся народ Пим-Стар, от седых Старейшин до самых маленьких учеников, смотрел на неё. Генерал Круп стоял, выпрямившись в струнку, но в его глазах читалась тревога. Луми, рядом с ним, казалась ещё более хрупкой, её хохолок был тусклым. В углу, за колонной в виде гигантской леденцовой трости, притаились Цвирь, Бульк и Миг — не озорничали, а *впитывали*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.